

УДК 338.24 (571.53)

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.31.45>

Политика кластеризации экономики в парадигме регионального развития Иркутской области

А. Н. Лапшин, Д. А. Сафронов, Д. В. Мирошников

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Представлены теоретико-методологические и практические аспекты политики регионального развития Иркутской области на основе инновационных форм территориальной организации с использованием административно-политических ресурсов власти – кластеров, ОЭЗ, ТОР, эффективность которых зависит от степени совместимости их с традиционными формами экономической деятельности в парадигме регионального развития. Выделены основные критерии политики кластеризации; рассмотрены доминанты парадигмы в их историческом развитии; определены возможности инкорпорации кластеров в экономику региона; выявлены факторы эффективности политики кластеризации экономики Иркутской области на примере ОЭЗ «Ворота Байкала».

Ключевые слова: региональная политика, парадигма, региональное развитие, кластеризация, эколого-рекреационный ресурс, туризм, Иркутская область.

Для цитирования: Лапшин А. Н., Сафронов Д. А., Мирошников Д. В. Политика кластеризации экономики в парадигме регионального развития Иркутской области // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 31. С. 45–58. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.31.45>

В тезаурусе политологии присутствуют понятия «эксплицитная» и «имплицитная» политика. Эксплицитная политика любого рода (политическая, экономическая, социальная, этноконфессиональная) предполагает общепозитивную функцию: как должно быть, исходя из общей предполагаемой политической парадигмы. Поэтому эксплицитная политика всегда содержит в себе императив последующих действий региональных властей, которые должны привести к запрограммированному и прогнозируемому результату вне зависимости от каких-либо субъективных оценок, задействованных в этой политике объектов и субъектов. Основным принцип эксплицитной политики – «так должно быть по объективно детерминированным причинам».

Эксплицитная политика имеет региональную адресность, что фиксируется в документах, законодательных и нормативных актах и т. п., и большей частью, обязательна к выполнению на нижестоящих уровнях власти и управления, так как в практике отношений «федеральный центр – регионы» регионы обязаны выполнять указания центра для соблюдения макроэкономических государственных интересов.

Имплицитная политика государства в отношении регионов по определению неявная, подразумеваемая или присутствующая неявно в общегосударственной региональной политике, выполняет нормативную функцию, т. е. это рекомендуемо-ожидаемые акции, которые должны иметь положительный эффект. Последствия этих акций могут распространяться на государство, регион, муниципалитеты, на отдельные территориальные образования, население или отдельные группы населения.

Имплицитная региональная политика предполагает все возможности осуществления общенациональной политики произвести региональный (территориальный) эффект любого типа и вида.

Очевидно, что для региональных органов власти эксплицитная и имплицитная региональная политика центра не представляет собой дихотомию между должным и возможным, но определяется как степень свободы между императивом эксплицитного и интерпретацией имплицитного.

Имеется в виду, что императивом эксплицитной политики является переход регионального развития на инновационные (постиндустриальные) формы. В имплицитный ракурс попадают частные направления, которые можно обозначить как замещение традиционных факторов развития для восточных регионов России, особенно сырьевого, интеллектуальными, организационно-технологическими и административно-территориально-экономическими.

Именно последние в дальнейшем подлежат более подробному рассмотрению, поскольку административно-территориально-экономические новации не только заявленное направление со стороны федерального центра, но и наиболее администрируемый (т. е. управляемый) инновационный объект для региональной власти, так как его возможно формировать, использовать и развивать с учетом региональной специфики и потребностей регионального развития.

Общие тренды федерального центра на модернизацию, информатизацию, цифровизацию, кластеризацию не имеют официально-административных указаний в отношении конкретного региона или группы регионов, но эти «посылки» от центра на уровне региональной власти всегда воспринимаются как «письма», требующие ответа вне зависимости от наличествующих ресурсов региона: природных, социальных, интеллектуальных, инфраструктурных и проч. И в общем плане это имеет смысл, если региональные органы власти начинают стимулировать развитие имеющихся ресурсов или изыскивать возможности их создания и формирования сообразно с текущим состоянием регионального развития и не в последнюю очередь с территориально-экономическим состоянием. Но в любом случае региональные политические элиты должны быть в тренде установок федеральной власти.

Траектория парадигмальной эволюции регионального развития все в большей степени оформляется в плоскости инновационных форм территориальной организации экономических структур, наиболее значимые из которых – свободные и особые экономические зоны (СЭЗ и ОЭЗ), террито-

рии опережающего развития (ТОР), территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) и кластеры различных типов и видов.

Признавая апробированную продуктивность вышеназванных территориально-экономических форм организации хозяйства, в последнее время и особенно в России именно с кластерной организацией хозяйства многие зарубежные и отечественные специалисты связывают ускорение темпов роста экономики отдельных регионов.

Вместе с тем российская практика, несмотря на декларирование и тиражирование заявлений о необходимости внедрения кластеризации экономики со стороны региональных органов власти и управления (Иркутская область не является исключением), дает достаточно скромные результаты использования кластеров для повышения эффективности региональной экономики.

Во многом это объясняется свободным манипулированием понятием «кластер» со стороны административно-управленческих структур вне его научного и прикладного содержания. Причем понятие «кластер», хотя и сохраняет известную дискуссионность, является достаточно разработанной научной категорией. Нужно отметить, что в своей внутренней структуре кластер – это полиморфное образование [3].

На уровне управления в большинстве случаев оно отождествляется с понятием «отраслевая организация на микроуровне» или «территориальная совокупность предприятий одной отраслевой принадлежности».

В административную фразеологию Иркутской области это понятие вошло еще в середине нулевых годов и впоследствии неоднократно активизировалось в различных сочетаниях в планах среднесрочного периода: развитие машиностроительного кластера, фармацевтического кластера, сельскохозяйственного кластера, туристического кластера. В периметре деятельности Корпорации развития Иркутской области был создан Центр кластерного развития для объединения предприятий региона в кластеры [9], но, несмотря на предпринятые организационные усилия, включая и финансовые затраты, ожидаемый результат не был получен.

«Неуспешность» политики кластеризации на современном этапе социально-экономического развития Иркутской области возможно объяснить недостаточной теоретической и методологической проработкой реализации кластерных проектов; игнорированием структурных особенностей экономики Иркутской области.

В связи с последним следует вспомнить, что регион опирается на взаимодействие следующих крупноагрегированных блоков: население, природные ресурсы, собственно экономический блок, внешнеэкономический сектор, административно-управленческие структуры. Вариантность интенсивности связей между этими элементами формирует специфическую региональную парадигму, определяя тем самым уникальность каждого региона.

Иркутская область – это крупный индустриальный регион, структура экономики которого была спланирована и спрогнозирована еще в 30-е годы прошлого века в Программе развития производительных сил Восточ-

ной Сибири, разработанной в Ангарском бюро Госплана СССР. Ядром программы в отношении Иркутской области было наличие уникального сочетания природных ресурсов, что и предопределило вектор развития экономики области и его инерционность до настоящего времени [10]. Это следует считать объективным фактором архитектуры и современной «архитектуры» региона, который необходимо учитывать при территориально-экономическом проектировании.

Следует подчеркнуть, что связь «природные ресурсы» и «экономика» и прочих элементов парадигмы в Иркутской области выстроена прежде всего на ресурсно-сырьевом взаимопределении. Этим объясняется сырьевая направленность региона и сложности перехода на более высокий уровень хозяйствования. «Ресурсное проклятье» экономики Иркутской области проявляется в снижении эффективности использования уникального сочетания природных ресурсов на стадиях более глубокой переработки: лес, алюминий, целлюлоза, ПВХ сохраняют свою конкурентоспособность даже на мировых рынках, в то время как у пиломатериалов, рондолей, бумаги и картона конкурентоспособность снижается. С этим же связаны ограничения при реализации кластерной политики.

Поэтому попытки создания сельскохозяйственного кластера равнозначны попыткам сделать сельскохозяйственное производство специализированной отраслью региона, и эта идея конфликтует не только с природно-климатическими условиями, но и с экономической эффективностью аграрного сектора.

Машиностроение и машиностроительный кластер – тема, которая активно муссируется в последнее время, поэтому требует комментариев. Разработчики вышеупомянутой Программы, А. Н. Александров и классик экономического районирования Н. Н. Колосовский, не только не предполагали наличия машиностроительных производств, но и указывали на их нежелательность и «чужеродность» в экономике Иркутской области. Их появление на территории региона было следствием Второй мировой войны и первоначально было вынужденной мерой, а в дальнейшем отклонением от основных принципов Программы в связи с необходимостью хозяйственного восстановления европейской части России. Более того, при дестабилизации экономики в 1990-е годы именно машиностроительные предприятия первыми начали выбывать из экономического оборота. И в настоящее время то, что очень условно можно назвать «машиностроительным комплексом» – это Иркутский авиационный завод и несколько средних и мелких предприятий вне каких-либо производственно-экономических связей между собой, поэтому «реинкарнация» машиностроения в Иркутской области в какой-либо, пусть даже в самой инновационной, форме – идея по крайней мере непредсказуемая в своих последствиях.

Исходя из логики такого подхода, политика кластеризации экономики Иркутской области должна базироваться или на инерционных отраслях специализации, что потенциально дает возможность создания топливно-энергетического, металлургического, лесопромышленного и лесохимиче-

ского, нефтехимического кластеров, или вне сферы материального производства, но на базе природно-ресурсного и интеллектуального потенциалов.

Тем более что природно-ресурсный потенциал Прибайкальского региона характеризуется не только производственно-сырьевой востребованностью, но в своей структуре имеет и рекреационную составляющую. Рекреационный потенциал региона (досуг, отдых, туризм, здоровье) располагает как собственно природной, так и социально-экономической проекцией.

Проблематика использования рекреационного или экологического потенциала также имеет свою методологическую предысторию и процессуальную историю. В конце 1990-х годов сформировалась потребность в новой концепции развития Иркутской области. В научной и административно-управленческой среде обсуждались концепция индустриального развития в новых рыночных условиях Г. И. Фильшина и концепция устойчивого развития региона на эколого-информационной основе А. П. Черникова [11].

В результате за основу была взята концепция Г. И. Фильшина, но с элиминацией методологического принципа инерционности экономики крупного индустриального региона и с фрагментарным включением эколого-рекреационной компоненты А. П. Черникова, что и составило содержание Программы социально-экономического развития Иркутской области как официального документа ее органов власти и управления¹.

Вероятно, составители данной программы не ожидали, что в 2005 г. будет принят ФЗ № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в РФ», но тем не менее методологические положения концепции А. П. Черникова оказались востребованными практикой регионального развития².

В 2007 г. на территории Слюдянского района Иркутской области была создана особая экономическая зона туристско-рекреационного типа «Ворота Байкала», положив тем самым начало реализации новой модели освоения эколого-рекреационного потенциала региона³.

Но по истечении более чем десяти лет результаты даже самых патриотично ориентированных субъектов бизнеса и власти оцениваются как неэффективные. Если же это перевести в экономическую плоскость как соотношение затрат и результата, то это уникальный «неуспех» органов власти и управления в частности и тех, кто называется «региональными элитами», в общем.

Если в этот негатив включить компаратив, например, с Монголией, то картина окажется еще более печальной. Практически одновременно с созданием ОЭЗ «Ворота Байкала» в Монголии была предпринята попытка

¹ Программа социально-экономического развития Иркутской области до 2005 г. // Восточно-Сибирская правда от 24.07.2002. № 138 (24272).

² Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-osobyh-ehkonomicheskikh-zonah-116-fz/> (дата обращения: 09.09.2019).

³ О создании на территории Слюдянского района Иркутской области особой экономической зоны туристско-рекреационного типа [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 03.02.2007 № 72 (ред. от 29.09.2016). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65883/ (дата обращения: 15.09.2019).

сформировать аналогичную ОЭЗ оз. Хубсугул. Предполагалось связать оз. Байкал и его «младшего брата» оз. Хубсугул, которые геологически и ландшафтно в равной степени привязаны к Байкальской рифтовой зоне, в единый туристический маршрут для потенциальных клиентов из Восточной и Западной Европы. Но, по-видимому, реально оценив недостаточную результативность российского проекта ОЭЗ, Монголия открыла торговую экономическую зону «Алтанбулаг» [6]. Тем не менее, несмотря на эту не реализованную бизнес-территориальную идею, Монголия получает от туризма в шесть раз больше, чем Иркутская область¹.

Причем следует отметить, что констатация финансово-экономического монгольского превосходства в туристской сфере представлена без сравнительных характеристик эколого-рекреационных, культурно-исторических, этноконфессиональных ресурсов, которые даже без подтверждения их количественными показателями и качественными параметрами очевидно несоизмеримо выше у Иркутской области.

Уже исходя из этого, возникает необходимость внесения корректив в механизм использования эколого-рекреационного потенциала региона. Несмотря на недостаточную эффективность ОЭЗ «Ворота Байкала», она может быть привлечена для организации туристского кластера Иркутской области, тем более что по территориальной определенности и специализации ОЭЗ и кластер являются в своем генезисе однопорядковыми образованиями.

Имеющаяся международная практика демонстрирует, что ОЭЗ может быть частью кластера, равно как кластер может встраиваться в экономическое функционирование ОЭЗ [1].

Это общее методологическое положение актуализируется для Иркутской области, где ОЭЗ «Ворота Байкала» развивается медленно и трудно, поэтому представляется целесообразным ее трансформация в особую экономическую зону кластерного типа.

Введение данного подхода в практику функционирования ОЭЗ позволит, с одной стороны, аттрактировать организационный и экономический процессы на территории ОЭЗ «Ворота Байкала», с другой стороны, получить бизнес-структурам туристско-рекреационного кластера дополнительные преференции, которые предоставляет ОЭЗ.

При разработке туристского кластера следует принимать во внимание специфические особенности туризма в форме кластера как вида экономической деятельности, которые могут как способствовать, так и препятствовать ведению эффективного бизнеса и к которым следует отнести: наличие и качество туристско-рекреационных ресурсов (уникальные/неуникальные), что определяется возможностью получения ренты по местоположению – туристической ренты; неотформатированность состава субъектов экономической деятельности в сфере туризма, территориальных границ деятельности, внутренней конфигурации кластера; экономическую свободу

¹ Торговая палата Внутренней Монголии международной торговой палаты Китая. Доходы от туризма в Монголии достигли в 2017 году 400 миллионов долларов США [Электронный ресурс]. URL: <http://ccpitnmg.org/ru/mengguoCont-337.html> (дата обращения: 01.12.2019).

субъектов входа/выхода в туристский кластер; аллокацию как применение креативных методов ведения бизнеса и распределение факторов производства, услуг и продукции в рыночном пространстве кластера; наличие/отсутствие территориально локализованной инфраструктуры туристского бизнеса; комплексность турпродукта; продвижение турпродукта с учетом его эмоциональной и экономической оценки со стороны потребителя; дивергентность состава турпродукта, отсутствие технологического алгоритма, как в промышленном кластере, поскольку содержание турпродукта как набора услуг разнообразно и зависит от индивидуальных предпочтений потребителя.

Системообразующей компонентой кластера (промышленного, сельскохозяйственного, инновационно-технологического и т. д.) является наличествующий ресурс. Для туристско-рекреационного кластера такой компонентой являются туристские ресурсы территории, так как именно они составляют основу мотивации для потребителей (туристов) и, соответственно, основу формирования туристского продукта в своей территориальной обусловленности.

Идентификация туристских ресурсов позволяет определить необходимые элементы кластера. При этом уникальность рекреаций, местные традиции и культура отдыха оказывают влияние на ориентацию кластера, на выбор его специфики, процесс его формирования и определения основных туристских продуктов и на степень конкурентоспособности турпродукта [5].

Агрегированная модель туристско-рекреационного кластера имеет внутреннее и внешнее пространство. Внешнее пространство определяют природные, социокультурные, экономические и политические условия. Внутреннее пространство формируют деятельность субъектов туристско-рекреационной сферы: турфирмы и туроператоры; финансовые институты; инженерная, транспортная и социальная инфраструктура; фирмы, предприятия, учреждения торговли, общественного питания и размещения, спорта и досуга, медицинского обслуживания, деятельность которых может проецироваться на туристско-рекреационную деятельность и участвовать в формировании туристских ресурсов и туристского продукта.

Таким образом, кластер данного типа представляет собой совокупность внешних и внутренних факторов, которые обуславливают конкурентоспособность турпродукта и конкурентоспособность кластера как внутререгиональной территориально-экономической организации.

Потенциальная эффективность кластера зависит от неопределенного множества факторов: природно-ресурсных, экономических, политических, социокультурных, этноконфессиональных, каждый из которых также имеет собственную структуру в соответствии со спецификой регионального развития.

Формирование туристско-рекреационного кластера предполагает идентификацию его географических границ, которые создают транспортные коммуникации территории, определяя тем самым коммуникационную

обеспеченность центров и периферии туристского кластера и связывая систему в единое целое.

Инициативность органов власти и управления по созданию кластера и мониторинг состояния туристской сферы региона являются императивным условием для реализации кластерного подхода в региональном развитии, в том числе на законодательном и организационном уровнях.

Проектирование туристско-рекреационного кластера невозможно без оценки существующих и потенциально возможных рисков – законодательного, политического, социального, экономического, криминального, экологического и проч. В связи с этим следует обратить внимание именно на экологический риск.

Традиционно экологические риски связывают с состоянием окружающей среды: ведение практически любого вида хозяйственной деятельности в зоне оз. Байкал всегда связано с большим количеством ограничений, которые иногда даже в ближайшей перспективе непредсказуемы, и это можно считать имманентным фактором ведения бизнеса на Байкале.

Представленные методологические основания проецируются на Иркутскую область следующим образом. На макроэкономическом уровне регион имеет более высокие показатели, чем среднестатистические по субъектам Российской Федерации, но, как было сказано выше, за счет добывающих отраслей и сырьевого сектора. Однако по темпам развития туристской отрасли, которая занимает в международном обороте услуг первое место, а по удельному весу – третье место, туризм в Иркутской области приносит чуть более 1 % бюджетных доходов [3].

У органов власти и управления присутствует осознание упущенных возможностей, поэтому в Стратегии социально-экономического развития Иркутской области до 2030 г. предусмотрено интенсивное развитие территории Иркутской области и одним из приоритетов обозначено развитие туризма по программе развития ОЭЗ «Ворота Байкала» и туристской сферы региона как перспективного направления. Индикатором развития должен являться уровень конкурентоспособности туристско-рекреационного сектора экономики региона и ее экологического сопровождения¹.

В данной программе заявлены и основные направления политики кластеризации Иркутской области, но вне конкретизации организационного и финансового оформления планируемых и прогнозируемых экономических территориальных инновационных структур. Тем не менее даже в общих определениях в Программе присутствует тренд на развитие туризма как вида экономической деятельности региона до статуса отрасли специализации региона, сопоставимой с исторически сложившимися.

Уже в настоящее время есть основания утверждать, что Иркутская область имеет все предпосылки для реализации туристского кластера вокруг ОЭЗ на базе туристических ресурсов Иркутского, Слюдянского и

¹ Стратегия социально-экономического развития Иркутской области на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/48807477-e977-4718-9c8b-9b86899d45bc/Irkut2030.pdf?MOD=AJPERES> (дата обращения: 12.10.2019).

Ольхонского районов. Кроме этого, за исключением Иркутского района, оставшиеся два по своему экономическому развитию значительно отстают от других районов области, и перспективы развития их технико-экономического потенциала, включая сырьевые ресурсы, ограничены и не составляют альтернативы туризму как основному драйверу социально-экономического развития территории.

Как уже упоминалось выше, кластер – это территориальное образование, как правило, локального масштаба, но его границы, в отличие от границ административных образований, хотя относительно постоянны, но по природе функционирования кластера прозрачны, диффузны, подвижны. Это объясняется тем, что границы кластера проходят не по территории, а по социально-экономическому пространству, которое имеет способность поляризоваться, т. е. границы кластера – это границы деятельности. В связи с этим следует отметить, что кластерные границы в периметре Иркутского, Слюдянского и Ольхонского районов также сохраняют эти свойства и развитие кластера по различным составляющим компонентам, формируя внутренние «полюса роста», также могут стать центрами притяжения для субъектов внешнего экономического пространства кластера и каналами привлечения дополнительных ресурсов.

В рамках туристско-рекреационного кластера Иркутской области возможно создание следующих туристских подкластеров: «Иркутск туристический» (г. Иркутск); «Листвянка» (Иркутский р-н); «Южное Прибайкалье» (Слюдянский р-н); «Ольхон» (Ольхонский р-н).

Структурно-организационно проектируемый туристский кластер Иркутской области представляет собой кластерообразующее «ядро», которое на основе прямых и обратных связей взаимодействует с объектами и субъектами региональных органов власти, бизнеса (туристские компании, туроператоры, турагенты), а также бизнес-структур смежных секторов экономики (транспорт, торговля, общественное питание, гостиничный бизнес и т. д.).

Кластер – это не просто конгломерат экономических субъектов и форм их деятельности, а система «...взаимосвязанных фирм и организаций, ценность которой как единого целого превышает простую сумму составных частей» [9], поэтому ее устойчивость и эффективность определяются интенсивностью и качеством имеющихся взаимосвязей, так как «успешно функционирующие кластеры создают очень плотную сеть постоянно развивающихся отношений и связей» [3].

В данном случае речь идет о взаимодействии «ядра» и сопровождающих его деятельность структур. Функционально кластерообразующее ядро формируют бизнес-структуры, но организационной необходимостью для них является наличие структуры, которая интегрировала бы индивидуальные экономические интересы в общую «сверхзадачу» и одновременно осуществляла координацию вертикальных и горизонтальных коммуникационных связей. В связи с этим трудно согласиться с отдельными автора-

ми, что «ядро» формируют предприятия малого и среднего туристического бизнеса [7].

Напротив, то, что образно определяется как «ядро» кластера, с учетом организационной формы и функций ядра должно представлять собой квазикорпорацию как объединение и организация, которые могут в определенных формах и при определенных условиях признаваться единым юридическим лицом.

Именно такая форма позволит обеспечить взаимную ответственность и качество вертикальных и горизонтальных коммуникаций и консолидированного представительства экономических интересов субъектов на уровне органов государственной власти и местного самоуправления, сформировать институциональные гарантии для всех заинтересованных сторон кластеризации и обеспечить баланс интересов субъектов, отношения которых выстраиваются на горизонтальном уровне.

Организационно, структурно и функционально такого рода корпорация соответствует содержанию общего понятия «девелопмент» как вид деятельности, направленной на развитие какого-либо проекта; общая технология девелопмента может быть использована при проектировании туристско-рекреационных кластеров. Это направление сохраняет достаточно тесную связь с развитием объектов недвижимости на территориях туристско-рекреационной ориентации [2].

Продвижение и успешность использования девелопмента в этой сфере во многом зависит от сложившейся архитектуры и уровня гармонизации отношений региональной власти и бизнеса, элементом которых в последнее время становится участие научного сообщества (университетских и научно-исследовательских центров), интегрирующегося в процесс создания инновационных форм. Элементом этого процесса постепенно становятся региональные элиты, креативный класс, региональное сообщество в целом.

Несмотря на этот, достаточно широкий спектр отношений по формированию кластера, основной доминантой в достижении поставленной цели и задач является политическая воля органов региональной власти в следовании закономерностям, принципам и факторам оптимального осуществления кластерной политики с учетом потенциальных возможностей и объективных ограничений.

Представленные результаты анализа политики кластеризации в парадигме развития Иркутской области свидетельствуют о широких возможностях развития туристско-рекреационного бизнеса как одного из наиболее обоснованных и продуктивных направлений начала реструктуризации экономики региона на новом уровне регионального развития.

Трансформация структуры экономики Иркутской области предполагает как развертывание уже исторически заданной траектории развития региона, так и реализацию новой модели, позволяющей обеспечить социально-природное, технологическое, историко-культурное расширенное воспроизводство. Это эволюционный, поэтому длительный процесс, основанный на использовании актуальных и потенциальных ресурсов.

Эколого-рекреационный ресурс по определению основан на природном потенциале территории и генетически связан с ним, поэтому его реализация соответствует общему направлению экономического развития Иркутской области, базой которого является природно-ресурсный потенциал. Соответственно, имеются основания утверждать, что введение туристско-рекреационного сегмента в общую парадигму регионального развития не только не противоречит ее внутренней структуре, но потенциально может ускорить процесс перехода от сырьевой к постиндустриальной экономике или сформировать новый экологический вектор ее эволюции в направлении эколого-информационного общества.

На современном этапе необходимо сфокусировать политику кластеризации Иркутской области именно на формировании туристско-рекреационного кластера как наиболее соответствующей организационной территориально-экономической формы для вовлечения в хозяйственный оборот уникальных природно-ресурсных, социальных и историко-культурных активов Иркутской области.

Одновременно мультипликационный эффект от функционирования туристско-рекреационного кластера обуславливает дальнейшее развитие взаимосвязанных компонентов социально-экономической сферы региона, а именно: инфраструктурных объектов; объектов природного и культурного наследия; образовательных организаций; законодательных органов; проектных и научных учреждений. Утилитарно все это будет способствовать повышению финансовой эффективности бизнеса, доходов населения, поступлений в бюджет Иркутской области.

Список литературы

1. *Волощенко Н.* Туризм на Байкале: топ-13 бизнес-идей от Сбербанка [Электронный ресурс]. URL: <https://realty.irk.ru/analytics.php?id=23688&action=show> (дата обращения: 29.10.2019).
2. *Гареев И. Ф., Зарипова Н. М.* Девелопмент рекреационных поселений для старшего поколения как инновационный вариант интенсификации развития территорий // *Российское предпринимательство*. 2015. № 3 (273). С. 427–440.
3. *Грошев А. Р., Пелихов Н. В.* Кластерные инициативы: системные особенности становления, развития и управления // *Лидерство и менеджмент*. 2019. Т. 6, № 2. С. 91–106.
4. *Жаркова Н. Н.* Интеграция кластера и особой экономической зоны как инструмент реализации Концепции 2020 // *Экономика, предпринимательство и право*. 2017. Т. 7, № 2. С. 95–102.
5. *Звягин И. С., Климов Д. С.* К вопросу обоснованности формирования туристско-рекреационного кластера «Добрый» // *Проблемы региональной экологии*. М. : ИД Камертон, 2014. С. 206–211.
6. *Кураc Л., Цыбенoв Б.* Монголия: «Алтанбулаг» – свободная торговая зона [Электронный ресурс] // *Власть*. 2013. Т. 21, № 2. С. 141–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mongoliya-altanbulag-svobodnaya-torgovaya-zona> (дата обращения: 15.10.2019).
7. *Лебединская Ю. С.* Применение метода гомеостатики в разработке организационно-экономического механизма управления туристским кластером Приморского края // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. 2017. Т. 9, № 1. С. 78–85.
8. *Портер М.* Конкуренция : пер. с англ. М. : Вильямс, 2005. 608 с.

9. Труфанова Д. Н. Инновационные территориальные кластеры. Анализ возможности развития инновационного кластера в Иркутской области // Бизнес-образование в экономике знаний. 2016. № 2(4). С. 102–106

10. Фильшин Г. И. Экономика Приангарья: проблемы и перспективы. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 206 с.

11. Черников А. П. Стратегия развития региона. Структурный аспект : монография / отв. ред. С. А. Суспицын. Новосибирск : ИЭИОПП СО РАН, 2000. 171 с.

Policy of Economy Clustering in the Regional Development Paradigm of the Irkutsk Region

A. N. Lapshin, D. A. Safronov, D. V. Miroshnikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The regional policy of the state is projection of the national development strategy in the regional dimension. At present, the regional policy is increasingly taking implicit forms giving regional authorities and governments greater freedom in the implementation of both national and regional interests. This suggests the possibility of both creating and using regional political and economic tools to achieve the goals set. The priority direction of the national and regional policy of the state is providing political and economic support for the introduction and widespread distribution of innovative and creative forms of further development including administrative, organizational and legal, territorial and economic ones. The article presents theoretical and methodological, and practical aspects of the regional development policy in the Irkutsk region based on innovative forms of territorial organization using administrative and political resources of such authorities as clusters, Special Economic Zones, Priority Development Areas. Their effectiveness depends on their compatibility with traditional forms of economic activity in the regional development paradigm. The authors identified main parameters in the policy of clustering. Dominant paradigms in their historical development have been considered. Opportunities for incorporation of clusters in the economy of the region have been discussed. Factors of efficiency of the policy of clustering of the Irkutsk region have been clarified on the example of «Gate of Baikal» Special Economic Zone.

Keywords: regional policy, paradigm, regional development, clustering, ecological and recreation resource, tourism, Irkutsk region.

For citation: Abieva E.R. The Problem of Environmental Migration in Terms of the Concepts of Environmental Management and Environmental Diplomacy. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 31, pp. . <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.31>. (in Russian)

For citation: Lapshin A.N., Safronov D.A., Miroshnikov D.V. Policy of Economy Clustering in the Regional Development Paradigm of the Irkutsk Region. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 31, pp. 45-58. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2020.31.45> (in Russian)

References

1. Voloschenko N. *Turizm na Bajkale: top-13 biznes-idej ot Sberbanka* [Tourism on Baikal: top 13 business ideas from Sberbank]. Available at: <https://reality.irk.ru/analyt-ics.php?id=23688&action=show&> (data of access: 29.10.2019) (in Russian)
2. Gareev I.F., Zaripova N.M. Development rekreacionnyh poselenij dlya starshego pokoleniya kak innovacionnyj variant intensifikacii razvitiya territorij [Development of recreational settlements for the older generation as an innovative option for the intensification of the development of territories]. *Russian entrepreneurship*, 2015, vol. 3 (273), pp. 427-440. (in Russian)

3. Groshev A.R., Pelikhov N.V. Klasternye iniciativy: sistemnye osobennosti stanovleniya, razvitiya i upravleniya [Cluster Initiatives: Systemic Features of Formation, Development and Management]. *Leadership and Management*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 91-106. (in Russian)
4. Zharkova N.N. Integraciya klastera i oboj ekonomicheskoj zony kak instrument realizacii Konceptii 2020 [Integration of the cluster and the special economic zone as a tool for implementing Concept 2020]. *Economy, Entrepreneurship and Law*, 2017, vol. 7, no. 2, pp. 95-102. (in Russian)
5. Zvyagin I.S., Klimov D.S. K voprosu obosnovannosti formirovaniya turistsko-rekreacionnogo klastera "Dobryj" [To the question of the validity of the formation of the tourist-recreational cluster "Good"]. *Problems of Regional Ecology*, Moscow, Chamberton Publishing House, 2014, pp. 206-211 (in Russian)
6. Kuras L., Tsybenov L. Mongoliya: "Altanbulag" – svobodnaya torgovaya zona [Mongolia: Altanbulag is a free trade zone]. *Power*, 2013, vol. 21, no. 2, pp. 141-144. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mongoliya-altanbulag-svobodnaya-torgovaya-zona> (data of access: 15.10.2019). (in Russian)
7. Lebedinskaya Y.S. Primenenie metoda gomeostatiki v razrabotke organizacionno-ekonomicheskogo mekhanizma upravleniya turistskim klasterom Primorskogo kraja [Application of the method of homeostatics in the development of the organizational and economic mechanism for the management of the tourist cluster of the Primorsky region]. *Territory of New Opportunities. Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2017, vol. 9, no. 1, pp. 78-85. (in Russian)
8. Porter M. *Konkurenciya* [Competition]. Moscow, Williams Publ., 2005, 608 p. (in Russian)
9. Trufanova D.N. Innovacionnye territorialnye klasteri. Analiz vozmozhnosti razvitiya inno-vacionnogo klastera v Irkutskoj oblasti [Innovative territorial clusters. Analysis of the possibility of developing an innovation cluster in the Irkutsk region]. *Business Education in Knowledge Economics*, 2016, vol. 2(4), pp.102-106. (in Russian)
10. Filshin G.I. *Ekonomika Priangar'ya: problemy i perspektivy* [Economics of Angara region: Problems and Prospects]. Irkutsk, East.-Sib. Kn. Publ., 1988, 206 p. (in Russian)
11. Chernikov A.P. *Strategiya razvitiya regiona. Strukturnyj aspekt* [Strategy of Region Development. Structural aspect]. Monograph. Suspitsyn S.A. (ed.). Novosibirsk, SEEIPP SO RAS Publ., 2000, 171 p. (in Russian)

Лапшин Александр Николаевич

кандидат философских наук, доцент,
кафедра экономики и торговой политики,
Международный институт экономики и
торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: casha_lux@mail.ru

Lapshin Aleksandr Nikolaevich

Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor, Department
of Economics and Trade Policy, International
Institute of Economics and Trade Policy
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: casha_lux@mail.ru

Сафронов Дмитрий Анатольевич

кандидат технических наук, доцент,
кафедра экономики и торговой политики,
Международный институт экономики и
торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: dmsafronov@yandex.ru

Safronov Dmitry Anatolyevich

Candidate of Sciences (Engineering),
Associate Professor, Department
of Economics and Trade Policy, International
Institute of Economics and Trade Policy
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: dmsafronov@yandex.ru

Мирошников Дмитрий Васильевич

*кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономики и торговой политики,
Международный институт экономики и
торговой политики
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003,
г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: mirochdv@yandex.ru*

Miroshnikov Dmitry Vasilyevich

*Candidate of Sciences (Economics),
Associate Professor, Department
of Economics and Trade Policy, International
Institute of Economics and Trade Policy
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: mirochdv@yandex.ru*

Дата поступления: 19.12.2019

Received: December, 19, 2019